

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КН

80

У 20

A-81

ЛЕТОШИСЬ

РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

в Курской губернии.

Воспоминания А. Аристархова.

31626/80

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КН
80 440
A 81

329.14 (47.3)

ЛЕТОПИСЬ

РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

в Курской губернии.

Воспоминания А. Аристархова.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

31626/8

Книгс-издательское Т-во при Курском Губкоме Р. К. П. (6.).

Курски—1923 год.

20 МАЯ 1923

Курск, 1923 г.

Тираж—1000 экз.

Тип. Пелиграфоб'единения ГОМХ, имени „Карла Маркса“, Золотая, 15.

Ал. АРИСТАРХОВ

ЛЕВИЦКАЯ (АНДРЕЙ) АРХОВА

С. С. ТОВАРИЩ АНИЛА

ЗАВЛАДЕНА ФУНДАМЕНТА.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА ЛЕВИЦКАЯ-АРИСТАРХОВА

(„ТОВАРИЩ АННА“.)

ЗАКЛАДКА ФУНДАМЕНТА.

К истории курской организации Р. К. П.

Памяти покойной жены моей Софьи Львовны *Левицкой-Аристарховой*, принимавшей такое горячее участие в основании и развитии курской организации Р. К. П.

Писать историю курской организации—дело довольно трудное. Насколько мне известно, никаких архивов курской организации не сохранилось. В ту пору, когда она возникла и развивалась, в эпоху подполья, мы, активные курские работники, вообще меньше всего думали об истории. Революционные задачи сегодняшнего дня постоянно требовали для своего разрешения, крайнего напряжения и использования без остатка всех наших сил, времени и материальных ресурсов организации и на долю истории почти ничего не доставалось. В том же направлении действовали требования конспирации, заставлявшие нас беспощадно уничтожать все, что могло при обысках повести к массовому провалу, что могло помочь жандармам осветить состояние организации или скомпрометтировать отдельных работников.

Тот небольшой материал, который сохранялся лично у меня, погиб во время занятия Курска Деникиным в 1919 году, когда оставленная мною там при отъезде в Москву, в июле 19 г., библиотека была сожжена.

Восстанавливать прошлое можно поэтому исключительно по памяти. Но с тех пор прошло от 15 до 20 лет. Многие в памяти стерлось, другое—потускнело.

Это до сих пор мешало мне взяться за это дело. И сейчас я пишу, лишь подчиняясь настойчивым требованиям курских товарищей, предъявляемым мне, как одному из основателей и старейших членов курской организации.

Я утешаю себя лишь мыслью, что даже в таком сокращенном и несовершенном виде, без цифрового материала и без документов, эти воспоминания, пожалуй, будут полезны, так как могут побудить других старых работников Курска взяться за перо, пополнить пробелы моей исторической справки и тогда из этих перекрестных воспоминаний может кристаллизироваться достаточно полный и точный исторический очерк.

1. Соотношение сил.

В мае текущего года исполняется двадцать лет со дня основания курской организации. Но начало партийной работы относится собственно к 1902 году.

В то время Курская губерния была еще больше, чем теперь, губернией крестьянской. Городские рабочие составляли не больше 2—3 х $\frac{0}{0}$ общей массы населения, причем и сами они, особенно в уездных городах, в большинстве не были чистыми пролетариями. Многие из них сохраняли связь с землей, имели в пригородных слободах свои домишки с огородами, коровами и домашней птицей и по всему складу своей жизни и по своей психологии мало чем отличались от окружавших их мещан.

Крестьянство состояло преимущественно из середняков. В Курской губ. было сильно развито помещичье землевладение и крестьяне сохраняли еще в своей психологии многие черты бывших крепостных. Они были в экономической кабале у помещика, ненавидели его всеми силами своей души, были готовы уничтожить его и стереть с лица земли все, что помещика напоминало, до культурных хозяйств и племенного скота включительно. Но в то же время подчинялись ему как земскому начальнику, и дрожали перед прикрывавшим его „начальством“ в лице станового и урядника. Этой крестьянской массе, громадной, но раз'единенной, рассыпавшейся как песок, при каждом сильном нажиме, противостояли помещики, об'единенные земством и в подавляющем большинстве своем крепко спаянные дворянской организацией. Курское земство было тогда, за исключением некоторых уездов, в руках либералов. Но положение крестьян от этого мало менялось, как мало менялось положение овцы от того, какого цвета была шерсть волка—светлее или темнее. Либералы, позднее вошедшие в партию кадетов, были, прежде всего и больше всего, помещиками. Они грузно сидели на горбу у мужика, цепко держали деревню в своих руках, широко пользуясь помощью полицейского аппарата царского правительства и содействием духовенства. Правда, они строили больше школ, чем консерваторы, но в этих школах, как и во всех остальных, главным образом, преподавался „закон божий“ и прочая премудрость с восхвалением царей и существующего строя и с проповедью смирения и терпения.

Большое влияние на крестьян, особенно на женщин, имели попы. Духовенство было одним из устоев самодержавно-помещичьего режима и выполняло свою роль в Курской губернии, как и везде, не за страх, а за совесть. Вместе с дымом ладана оно дурманило деревню шаманскими фокусами, стараясь сделать ее неспособной к усвоению революционной пропаганды. Насколько успешна была его работа, показывали хотя бы ежегодные крестные ходы с выносом „чудотворной“ иконы местного монастыря, привлекавшие в то время в Курск многотысячную толпу

крестьян, фанатизированную и иступленную, как стадо, послушно шедшую по указанию поповской руки. Около этого времени популярность иконы особенно усилилась после неудавшейся попытки ее взорвать. Взрыв был организован группой подростков, во главе с небезызвестным в Курске изобретателем Уфимцевым. Он не удался. Говорили, будто монахи заметили положенную бомбу, сняли икону, а после взрыва поставили ее на место. Этот случай был искусно использован духовенством и весть о новом „чуде“ и о посрамлении слуг антихриста, революционеров, широко разнеслась по всей губернии и даже за ее пределами.

Но так как „чудотворная“ икона не управлялась обслуживать губернию, особенно ее южные уезды, расположенные далеко от Курска, то в помощь ей в Белгороде были открыли мощи Иосафа.

Реакционное влияние духовенства было велико не только в деревне, но и в городах, в которых большинство составляли мещане-торговцы и ремесленники, несколько позже давшие крепкие черносотенные кадры Сюзю Михаила-архангела и другим подобным организациям.

Некоторые отклонения от этой общей картины были лишь в районе сахарных заводов и отчасти в Путивльском уезде, в котором было довольно развитое хуторское хозяйство и значительная часть населения которого жила отхожими промыслами, уходя на заработки в Харьков, Екатеринослав, Одессу и другие крупные центры и, возвращаясь домой, приносила с собой свежую струю жизни больших промышленных городов, создавая более благоприятную почву для революционной работы.

Были в Курской губернии и капиталистические хозяйства, как, например, крупное имение Ребиндер в Белгородском уезде, которые велись при помощи машин и наемного труда, но они были редки и определяющего значения для жизни губернии не имели.

Что касается самого Курска, то он был, главным образом, административным губернским центром. Основное ядро его населения составляли чиновники, торговцы и ремесленники. Чиновники и интеллигенция служили, играли в карты и занимались флиртом, мещане торговали, работали, пили и спали.

В Городской Думе заседали „отцы города“, — хупцы и богатые домавладельцы, мирно дремавшие после тяжелых трудов по раздаче почти всех отраслей городского хозяйства, и водопровода, и трамвая, и станции электрического освещения—в концессии немцам и бельгийцам.

Крупных заводов и фабрик в городе не было. Рабочих было тогда лишь около 3-х тысяч человек, не считая семейств. Они молча тянули свою лямку, придушенные не столько страхом полицейских репрессий, сколько всем укладом тягучей, как смола, одуряющей патриархальной жизни. После недели тяжелого труда они развлекались кулачными боями и пили до потери сознания

А на самом верху сидел самодур губернатор, вечно пьяный и распутный, граф Милютин, сын когда то знаменитого военного министра.

В этом-то полусонном, полупьяном царстве выступили первые социал-демократы, волею судеб заброшенные в Курск, с проповедью классовой борьбы, восстания и социализма.

2. Первый кружок.

В описываемое время царское правительство вполне основательно считало Курскую губернию одной из самых глухих и „благополучных по революции“ и потому Курск стал местом административной ссылки.

Мне пришлось попасть туда одним из первых. В марте 1901 г. я, будучи студентом—техником, был арестован в Москве „за попытку произвести уличную политическую демонстрацию“, как сказано было в обвинении, и после небольшой отсидки в тюрьме, был исключен из Технического училища и выслан из Москвы в Курск под гласный надзор полиции сроком на 3 года.

В это время в Курске никакой революционной работы не велось. Было там несколько человек, называвших себя марксистами и даже социал-демократами, но они держались на весьма почтительном расстоянии от рабочих и крестьян и ограничивались тем, что вели разговоры „промежь себя“ за стаканом чая.

В конце 1901 г. в Курск приехала моя жена *С. Л. Левитская*. Она также была административно выслана из Москвы под гласный надзор. В 1902 году были присланы *А. А. Блюм*, московский рабочий *И. Е. Кольцов*, фельдшерица *Н. В. Науменко*, *А. И. Габрилович* с сестрой—*Анной* и др. Приехал из ссылки в Вятской губ. *М. И. Боюмазов* с женой *З. А...*

Было прислано также человек 10—15 эсэров, во главе которых скоро стали Александр Высоцкий и М. И. Булгаков.

Образовалось два кружка—социал демократов и эсэров. Полиция, под надзор которой мы попали, была совершенно патриархальной. Наиболее ярким ее представителем являлся сам полицеймейстер Иван Иванович Стегкевич. Это был гоголевский тип, выживший из ума и впавший в детство старик. Он считал себя большим дипломатом, каждого присылавшегося в Курск под надзорного, обыкновенно приглашал к себе в кабинет и убеждал его одуматься, не губить себя из-за пустых бредней и не устраивать в Курске революции; рассказывал, что в молодости он „тоже“ читал „Колокол“ Герцена; но потом бросил фантазерство, стал полицеймейстером и очень доволен жизнью.

Обыкновенно поднадзорный, с трудом сдерживая смех, обещал подумать над этим вопросом и отпускался с миром, при чем *Иван Иванович* оставался, очевидно, в полной уверенности, что крамоле нанесен смертельный удар.

Социал-демократический кружок попал было в начале под влияние *Богомазова*. Он занимался почти исключительно вопросами взаимопомощи и самообразованием. Такое топтание на месте и варка в собственном соку не удовлетворяли более активных и они стали порознь, на свой страх и риск, завязывать связи с местными рабочими. Для этого была использована и воскресная школа, в которой несколько либералов-интеллигентов обучали рабочих русскому языку, арифметике и географии.

Весною 1903 года образовалась группа, которая стала первичным ядром курской организации. В нее вошли: я—(*Андрей*), моя жена *С. Л. Левитская (Анна)*, местный рабочий—гравер *И. В. Паневин (Герман)*, *А. П. Афонский (Антон)*, бывший тогда канцелярским служащим, а затем ставший народным учителем и московский рабочий *И. Е. Кольцов (Серафим)*, вскоре переведенный из Курска в Олонецкую губернию. Вместе с этой группой работали также, хотя очень недолго, *А. И. Габрилович (Владимир)*, уехавший летом в Харьков и *Н. В. Науменко*.

Еще в конце 1902 года удалось наладить регулярное получение „Искры“ и „Зари“, и наша группа стала на искровскую платформу.

Мы детально разобрали проект партийной программы, а осенью 1903 г., получив материал о 2-м съезде, о прошедшем на нем расколе и о его основаниях, твердо заняли большевистскую позицию.

М. И. Богомазов (Макс), с которым мы разошлись еще раньше, изолировав его от наших связей с ра-

Степан Гуляев. (См. 13-ю стр.)

бочими, стал после 2-го съезда ярким меньшевиком. Он упорно старался сблизиться с нами и перетянуть зарождающуюся организацию на меньшевистские рельсы. Но все его усилия остались тщетными. Не помог ему и вызванный им из Харькова меньшевик Николаев, делегат 2-го съезда (Медведев), который сделал

нам весьма тенденциозный доклад о съезде, не пожалев мрачных красок для обрисовки большевиков. Он также потерпел неу-

дачу; меньшевистские атаки были нами отбиты и, когда в ноябре в Курск заехал тов. Иннокентий (И. Ф. Дубровинский), он нашел нашу организацию уже вполне определившийся и твердой.

Параллельно с этим началась война с эсэрами. Среди них был Ал. Высоцкий, сын богатого купца, крупного чаоторговца. Благодаря ему, эсэры располагали денежными средствами и смогли скоро организовать получение своей литературы в большом количестве. Мы, наоборот, были нищими, с большим трудом покрывали расходы по получению „Искры“, „Зари“ и брошюр в единичных экземплярах и могли обслуживать лишь ограниченный круг читателей. Несмотря на бережное, благоговейное отношение, „Искра“ скоро зачитывалась до дыр и выходила из оборота, в то время как эсэровская „Революционная Россия“ циркулировала повсюду.

Особенно плохо обстояло у нас в ту пору дело с деревней. Там эсэры стали орудовать сперва без соперников. Но не потому, что мы не придавали значения работе в деревне. Напротив, действуя в такой губернии, как Курская, губернии сельско-хозяйственной, мы считали одной из основных своих задач овладение крестьянством. Главной своей целью мы ставили, конечно, классовую организацию пролетариата и руководство его борьбой, вполне признавая, что русская революция победит, как революция рабочая, или не победит вовсе.

Но в то же время мы отчетливо видели, какую громадную силу представляет собой крестьянство. Его стихийное движение, направленное против помещика, неизбежно превращалось в движение политическое. Овладеть этим движением, ввести его в определенное политическое русло, связать с борьбой рабочего класса—значило обеспечить последнему победу над его классовыми врагами.

Все это мы прекрасно понимали. Но беда была в том, что наши силы были крайне малы. И потому мы решили не дробить их, сосредоточить все, чем мы располагали, сначала на городе, подготовить хотя бы небольшие кадры из местных рабочих и затем уже, опираясь на них, перебросить работу в уезды, постепенно увеличивая ее масштаб. Эта тактика привела к тому, что, уступив временно эсэрам, мы стали бить их в городе.

В это время в Курске было, как сказано выше, не больше 3-х тысяч рабочих. Сюда входили рабочие: депо и вагонных мастерских Московско-Курской и Киево-Воронежской жел. дорог, нескольких небольших чугунно-литейных и механических заводов (Мертенса, Каменева, Степанова, Воронина), свечного завода, пивоваренного завода Вильма, двух кожевенных заводов, паровых мельниц, трамвая, станции электрического освещения, водопровода, нескольких типографий, большого казенного винного склада и затем ремесленные рабочие—портные, заготовщики и проч. Позже прибавились две табачных фабрики, несколько небольших гильзовых и конфектных, а еще позже—фабрика готовой обуви.

Среди первых рабочих, с которыми у нас установилась связь, были, кроме упомянутого И. В. Паневина: слесарь А. А. Разиньков, ремесленные рабочие А. И. Константинов (Клык), П. Е. Лотарев (Аскольд), П. Н. Моржавин (Гел), умерший в 1908 году, слесаря А. А. Демин (умерший в 1905 г.), Ив. Котляков и Ал. Колосов, портной Липа Фарман и его жена Маша (портниха—верхница).

Мы организовали небольшие пропагандистские кружки.

Работа была чрезвычайно трудна и неблагоприятна. Это была серая, будничная, кропотливая работа, дававшая в начале ничтожные результаты. Нам предстояло построить здание, но мы не имели еще строительного материала и сначала должны были заняться изготовлением кирпичей.

К тому же большая часть из нас была под гласным надзором, на виду не только у полиции, но и у соседей, обывателей, по провинциальному интересовавшихся каждой мелочью нашей жизни, всякий день могли ожидать обысков и должны были действовать с особой осторожностью, чтобы не загубить первых, еще хрупких и слабых, революционных ростков.

Порой могло показаться, что из нашей работы ничего не выйдет, что наши силы слишком слабы, чтобы сдвинуть с места громадную инертную массу, которая была перед нами. Порой работа срывалась, кружки разваливались.

Но мы не теряли бодрости и веры в наше дело и, срываясь, как Тамерланов муравей, снова лезли кверху.

3. Курский комитет.

В 1904 году наша организация настолько оформилась и окрепла, что была утверждена партийным центром, как полноправная единица партии с решающим голосом на съездах.

Был организован Курский Комитет Партии.

В это время наши силы значительно увеличились по сравнению с предыдущим периодом.

С одной стороны возмужали и стали на ноги работники из местных рабочих, из них стали выделяться сознательностью и активностью, кроме указанных выше, ж. д. слесарь В. В. Серигов, рабочие свечного завода С. Н. Гуляев, и В. Я. Седых, (Артур) литейщики М. Г. Каширцев, П. Д. Минаков, (умер в 1920 году) и Ламанов (умер в 19 году), жел. дор. рабочие А. В. Руцкой (Чернец) (умер в 1918 г.), Семенычев, печник Д. Ф. Сергеев (Олег) и др. Кроме того стали принимать активное участие в работе: сестры А. Г. и П. Г. Бобовниковы (Перовская и Лигия), и учительница Брянцева *), жившие в Ямской слободе, населен-

*) Т. Брянцева начала работу с 1906 г.

ной ж. д. рабочими, конторщик *Н. П. Прокопов* (Георгий, умер в 1919 г.) и служащий *Б. Г. Бернашевский* (Тарас).

С другой стороны пополнились силы и приезжими. Одно время работала, хотя и недолго, фельдшерица-нижегородка *Е. И. Пискунова* (Ксения). Весьма деятельного и ценного работника мы получили в лице *В. А. Арнольд* (Зина). Приехало также несколько статистиков в связи с большой статистической

работой, предпринятой Губернской Земск. Управой. Среди них были *Я. В. Бляхер* (Жак) и *А. С. Воробьев*. Работа стала расширяться. Увеличилось количество пропагандистских кружков, улучшился состав пропагандистов. Стали устраиваться массовки.

Василий Седых. (См. 13 ю стр.)

женополучение литературы, издаваемой центром, уже не в единичных экземплярах, а в большом количестве. Листовки распространялись не только на предприятиях среди рабочих, но и расклеивались на улицах, преимущественно в пригородных слободах и на окраинах с рабочим на-

селением. Было налажено. На всех листовках мы ставили печать Курского Комитета и это приводило в особое раздражение полицию, которая срывала с заборов наши листки, но обыкновенно успевали лишь тогда, когда многие успевали их прочесть; поймать-же наших расклейщиков никогда не могла.

Стали выпускать и свои листки. Сначала печатали их на гектографах, а затем был налажен маленький типографский станок. Были выпущены листки о классовой борьбе и социализме, о русско-японской войне и др.

В марте 1905 года к нам приехал тов. Каменев в качестве уполномоченного Организационного Бюро по созыву III с'езда. Ознакомившись с привезенными им материалами, мы решили принять участие в с'езде и я послан был делегатом.

1905 год всколыхнул массу и в городе, и в деревне.

Оживление стало заметно уже после 9 января. Летом стала проявляться усиленная политическая кристаллизация, оформление классовых сил в политических партиях. Наша работа приняла напряженный характер, забегали эсеры, начали организовываться кадеты и злое еще зашевелилась черная сотня, под усиленным покровительством полиции. Появился Марков II, скоро ставший вождем всей реакционной массы курского мещанства.

М. Г. Каширцев. (См. 13-ю стр.)

люков. При помощи местных кадетов он выступил с докладом, в котором пытался доказать, что революционные партии сделали свое дело и теперь должны отойти на второй план, если не прекратить вообще свое существование и что единственной „всенародной“ партией, в которую должны войти и ра-

бочие, и крестьяне, является партия „Народной Свободы“. В течение двух вечеров подряд, масса народа, битком набившаяся в большой зал Губернской Земской Управы, напряженно слушала доклад и широко развернувшиеся прения. Со стороны социал-демократов выступали Я. В. Бляхер, В. П. Милютин, бывший тогда студентом, я и А. С. Воробьев. Нам удалось конечно, вскрыть буржуазно классовую подоплеку „национальной“ партии „Народной Свободы“. На диспуте присутствовало много рабочих, их отношение к ораторам социал-демократам, речи которых покрывались горячими аплодисментами, ярко показало, насколько уже развилось их классовое сознание, насколько прочно они уже закреплены за нашей партией. Кадетские генералы, пытавшиеся в то время создать себе армию из рабочих, в Курске потерпели в этом полную неудачу. За Милюковым пошли только интеллигенты да „прогрессивные“ купцы.

Но мы не всегда одерживали победы. Скоро ждало нас и тяжелое поражение в схватке с другим врагом—черной сотней.

Осенью 1905 года события в Курске складывались приблизительно также, как и в других провинциальных городах. Он

легко присоединился ко всеобщей забастовке, начались митинги, речи и демонстрации. По получении сведений о манифесте 17 октября была назначена большая уличная манифестация.

Еще за несколько дней до этого по городу поползли слухи, что черная сотня готовится к погрому. Поэтому при организации демонстрации было решено создать вооруженную охрану. Но как у нас, так и у эсэров, оружия оказалось очень мало. В боевую дружину вошло лишь несколько десятков человек, вооруженных револьверами разных систем, в большинстве устаревших, с ограниченным количеством патронов. Серьезного „боевого“ значения эта дружина, конечно, не имела. Тем не менее демонстрацию не отменили.

В назначенный час около Губернской Земской Управы собралась большая толпа демонстрантов, которая с красными знаменами и музыкой двинулась вниз по Московской ул.. По пути толпа ррсла, в ней было много женщин и детей. Настроение у всех было приподнятое.

Когда подошли к Красной площади, то увидели на другом ее конце, около угла Херсонской, большую толпу черной сотни. Посланная разведка обнаружила, что на Фроловской ул. около церкви, за базаром, также собралось много черносотенцев, которые были пьяны. Стало ясно, что

Петр Минаков. (См. 13-ю стр).

они намереваются окружить демонстрантов, когда те перейдут на площадь.

Учитывая, что с нами много женщин и детей, которые могут вызвать панику, решили повернуть назад и стали медленно отступать по Московской. Но черносотенная толпа, поняв, что ее план не удался, ки-

нулась за нами. Посыпались камни. Ответные выстрелы дружины на короткое время задержали наступавших, но скоро они убедились в безвредности револьверного огня на расстоянии и с диким ревом стали наседавать на нас. Как и следовало ожидать, женщины и дети не выдержали и побежали. За ними дрогнуло и

большинство мужчин, и скоро все демонстранты рассеялись, оставив поле сражения за черной сотней.

Благодаря дружине, которая, растянувшись цепью, прикрывала остальных, пострадавших при демонстрации почти не было. Рабочие отступали последними.

Но вечером начался еврейский погром, продолжавшийся два дня. Мы были не в состоянии остановить его. Оружия почти не было, выходить рабочим с голыми руками против озверелой, пьяной толпы, охраняемой полицией—было невозможно. Это было нашим поражением.

Однако, оно нас не сбескуражило. Мы лишь удвоили усилия по организации рабочих, стали энергичнее развивать работу среди гарнизона и занялись деревней.

Деревня в это время клокотала, как вулкан. Но лишонное руководства, не организованное крестьянское движение выливалось в стихийные формы разгрома помещичьих имений и т. п.

Мы создали ряд уездных организаций, отчасти завязав прочные связи на месте, отчасти перебросив часть наших сил из Курска. Своей работой мы охватили, главным образом, юго-западные уезды, расположенные по Харьковской и Киево-Воронежской ж. дорогам: Путивльский, Суджанский, Рыльский, Обоянский, Лыговский и Курский. Южные уезды—Белгородский и др. были связаны с Харьковом, до которого было от них гораздо ближе, чем до Курска, и который привлекал их также, как более крупный рабочий и революционный центр.

В Путивле была из лучших наших уездных групп. Там работали *Андрей Тимонов* (Валентин) и *В. А. Тимофеев*, в то время бывший учеником фельдшерской школы, а позже—врач. В Суджанском уезде работа базировалась на народных учителях *А. П. Афонском* (Антон), *Н. Н. Сидоренко* (Нил) и др.; Переехал в Суджу и *М. И. Богомазов*, суджанский урожанец, пользовавшийся там настолько большой популярностью, что при выборах во 2-ю Госуд. Думу прошел выборщиком от города. В Рыльском уезде руководителями были *Гробов* и *Иванов*. Последний имел на городском базаре книжную лавочку, которой превосходно пользовался для агитации среди крестьян. В Обояни ядро группы составляли *Ал. Неплющий* (погиб при штурме Кронштадта в 1921 г.), *Андрей* и *Маруся*. Во Лыгове—учительница *А. Водолажская* и др. В деревнях Курского уезда дело вели, главным образом, рабочие из крестьян, сохранявшие связь с землей, а также ж. л. рабочий *А. В. Руцкой*, рабочий свечного завода *С. Н. Гуляев* и народный учитель *Сороколетов* (Ближний).

Кроме этого мы пользовались, конечно, всякой возможностью, чтобы рассылать литературу в другие уезды, как, напр., Фатежский, Щигровский и пр.

Все уездные группы были объединены в Окружной район. Вскоре нам удалось настолько удовлетворительно поставить работу уездных групп, что ливенская организация отделилась от

орловского комитета и присоединилась к нам в расчете на лучшее обслуживание и руководство.

Но создать широкую и прочную, всеобъемлющую организацию крестьян мы тогда все еще не могли. Батрацкий элемент в Курской губернии был сравнительно малочислен и не играл в деревне доминирующей роли. Эта роль принадлежала крестьянам середнякам, мелким хозяйчикам, обладавшим индивидуалистической психологией и мало способным к тяжелым жертвам и борьбе за общие интересы. Каждый из них тянул в свою сторону, мечтал лишь о своем хозяйстве, о лишней десятине земли, о лошади или корове. Во время бунтарских вспышек, которые как ураган, проходили по помещичьим усадьбам и в которых выявлялись вся ненависть к помещику, вся горечь, накопленная вековым гнетом, — они затрачивали свою энергию на то, что уничтожали хозяйство помещика или растаскивали его добро, развозя его на подводах по своим домам, с детской наивностью полагая, что таким путем они идут к уничтожению помещичьей власти, и не понимая, что основы ее остаются нетронутыми.

А после таких вспышек быстро остывали, снова впадали в апатию и покорно подчинялись экзекуциям карательных отрядов, которые производили массовую порку, отбирали растащенное имущество помещиков и налагали контрибуцию в пользу последних.

Это был песок; чтобы использовать его как материал для постройки, его надо было цементировать пролетарским элементом. Только при этом условии можно было создать прочную массовую организацию, способную к массовым, строго согласованным действиям, к упорной, планомерной и длительной борьбе.

Но пролетарский элемент курской деревни был в ту пору еще очень малочислен, темен и особенно некультурен, не пользовался никаким влиянием на середняков и в таком виде в качестве цемента не годился. Переработать же его самого в тот короткий срок при наших слабых для этого силах мы не смогли.

Результаты нашей работы в деревне в этот период в середине девятисотых годов, сводились к тому, что при помощи наших уездных групп мы создали опорные пункты в ряде деревень, через которые производили массовое распространение литературы среди крестьян и вели индивидуальную агитацию. В некоторых уездах велась и кружковая пропагандистская работа.

Что наша работа в деревне не была бесплодна, показывает хотя бы то, что при выборах во 2-ю Госуд. Думу среди губернских выборщиков социал-демократов были и крестьяне.

Одновременно с развертыванием работы в деревне мы усилили работу по профсоюзной линии в городе.

Был организован ряд профессиональных союзов: металлистов, железно-дорожников, рабочих свечного завода, работников иглы, печатников и др. Союзы примыкали к партии и были всецело под нашим влиянием.

Проведено было несколько забастовок, в большинстве с

удачным исходом. Из них были особенно интересны забастовки на свечном заводе, в которых участвовали девушки-работницы, своей стойкостью и выдержанностью увлекавшие даже старых рабочих свечников. Этими забастовками руководили *т.т. Гуляев и Вас. Седых*.

Сильно оживилась работа среди железнодорожных рабочих. Еще во время японской войны, в связи с усиленной работой транспорта, количество рабочих курского железнодорожного узла было увеличено, при чем были приняты в значительной мере пришлые рабочие, которые явились более чистыми пролетариями чем многие коренные рабочие — куряне.

бочих в это время были: слесарь *Ф. И. Рогов* (Харьковский, Аркадий), токарь *М. С. Богданов* (Земляк), токарь *Пав. Бутов*, *А. В. Руикой* (Чернец), слесарь *В. В. Сериков*, стрелочник *Семенычев* и работавший на вокзале в качестве конторш., учен. землемерн. училища *А. И. Воинов* (Анатолий).

Наиболее активными из железнодорожн. ра- **Андрей Константинов.** (См. 13 ю стр.)
 Вместе с ними ответственную работу в Ямском районе несли: *А. И. Константинов* (Клык), *П. Е. Лотарев* (Аскольд) и др.

В это время курская организация была подразделена на пять районов: два района в самом Курске, затем Ямской район, в который вошли железнодорожные рабочие и ремесленные рабочие слободы Ямской.

Окружной район, объединявший все уездные группы и военная организация, также на правах района.

В городских районах на ответственной работе были *М. Т. Каширцев*, *П. Д. Минаков*, *С. Н. Гуляев*, *В. Я. Седых* и др. Одним из преданнейших членов организации был также слесарь *И. Т. Паршин*.

Кроме того была создана нами организация учащихся, быстро развившаяся и в 1905—6 г.г. охватывавшая до 250 человек. В нее входили ученики землемерного училища, фельдшерской

школы, духовной семинарии, мужской и женской гимназий, реального училища и городских школ.

Руководили этой организацией *Станислав Крыжановский (Владимир)*, *Михаил Олонкин*, умерший в конце 1905 г. от раны, по неосторожности нанесенной себе из револьвера и Федоровский.

Из фельдшеров выделялись: *В. А. Тимофеев* и *Самойликов*, умерший в 1907 г. Среди землемеров работали: *А. И. Воинов* (Анатолий), *Малаявский*, *Телегин* и др.

Один из землемеров, *Воронин*, бывший тогда социал-демократом, еще в 1903 году был арестован, не устоял и сделался провокатором. При выхо-

Дмитрий Сергеев. (См. 13-ю стр.)

ном образом, к занятиям в кружках. Но однажды они устроили уличную политическую демонстрацию, которая была разогнана полицией с большой жестокостью. Часть ребят была избита. Это вызвало возмущение против полиции даже среди толстокожих папаш и мамаш.

Хорошо шла работа в эти годы среди гарнизона. С офицерами связь была слаба. Мы установили было сношения с офицерским союзом, но он скоро распался. Его курская группа была арестована, выданная на допросе денщиком одного из офицеров, у которого эта группа обиралась. По этому делу был сослан в Сибирь артиллерист *Разумов*, социал демократ. Но зато с солдатами связи были хорошие. В пятом и шестом годах мы имели ячейки во всех частях гарнизона и устраивали в лагерях большие митинги. Работу среди солдат вели, главным образом, землемер *Телегин*, *Ст. Крыжановский* (Владимир), *Д. Ф. Сергеев* (Олег) и *М. Велицкий* (Жорж, Глеб).

де из тюрьмы он вызвал у нас подозрения своим странным поведением и тотчас же был изолирован. Его фотографическая карточка была послана нами за границу для напечатания в партийных изданиях. Увидя что он раскрыт, *Воронин* скрылся из Курска, не успев никого выдать.

Работа учащихся сводилась, главным

Летом 1907 г. работа среди солдат была сорвана провокатором Прокофием Куприянским (Поликамп). Куприянский работал слесарем на механическом заводе Мертенса. Жандармы использовали его молодость, неустойчивый характер, любовь к веселой жизни и развлечениям, и подкупили его деньгами. В 1907 г., будучи одним из наших военных организаторов, он провалил солдатскую конференцию. К счастью полиция не рассчитала и явилась слишком рано, когда конференция еще не была открыта и многие еще не пришли. Были арестованы Станислав Крыжановский (Владимир) и несколько солдат. Ребята попались развитые, на допросах держались великолепно и после месячной сидки были выпущены за полным отсутствием улик. Оpozлавшие на конференцию были перехвачены по дороге и предупреждены нашими патрулями, которые всегда расставлялись при созыве больших собраний.

Так как полиция явилась с той стороны, где патрульным был Куприянский, то на него пали большие подозрения; установив за ним наблюдение, мы скоро убеди-

Екатерина Брянцева. (См. 13-ю стр.)

мени и для такой губ., как Курская, было довольно крупной цифрой.

Работа приняла массовый характер.

Первая большая маевка была в 1904 г. Она была устроена в Перепелкинской роще. Конец ее был не совсем удачен, благодаря появлению полиции. Другие массовые собрания в этом году устраивались редко. В последующее же трехлетие они стали обычным явлением. Обыкновенно они собирались в оврагах между Ямской слободой и лесом, а также в кустарниках у линии железной дороги, в направлении к Букреевке, в „Харьковском“ лесу

лись, что он стал провокатором и вынуждены были свернуть военную работу для замены работников военного района другими.

В 1905, 6, 7-м годах организация непрерывно росла и развивалась.

Число членов в 7-м году превышало пятьсот человек (не считая, конечно, учащих), что для того вре-

и реже в других местах; в 1905 году, во время „свобод“, митинги устраивались повсеместно, но особенно часто в Лазаретном саду и на берегу реки Тускари, у Боевой дачи, а для солдат-около лагерей.

Из митинговых ораторов тогда особенно выделялся П. А. Черевков (Марк). Обладая страстным темпераментом борца и крупным ораторским талантом, он зажигал слушателей своими речами. Но и сам горел и таял на наших глазах: тяжелая неизлечимая болезнь свалила его окончательно в седьмом году, а в следующем году он умер еще совсем молодым.

Более крупный масштаб работы требовал и большого количества агитационной литературы. Транспорты литературы из центра обыкновенно запаздывали.

Наша первая типография работала недурно, но слишком медленно, к тому же была мала и мы вынуждены были в помощь ей прибегать по-прежнему к примитивному способу печатания на гектографах и шапирографах. Однако, хотя, мы пускали в ход по три-четыре гектографа и шапирографа сразу, мы все же не могли получить нужного количества экземпляров, да и самые оттиски, по сравнению с печатными, были недостаточно хороши. Тогда мы решили расширить и улучшить нашу типографию. Увеличили станок, достали довольно много хорошего шрифта, нашли хорошую конспиративную квартиру и скоро вся машина пошла полным ходом. Хозяином квартиры был тов. Иванов (Медведь) с женой. типографскую работу выполняла т. Нина, присланная нам из центра, профессиональная наборщица, эстонка, жившая нелегально.

Новая типография заработала вполне удовлетворительно.

Мы начали снабжать своими печатными изданиями не только Курск, но и уезды, и стали налаживать даже маленькую газету „Красное Знамя“, выпустив два номера.

На всех экземплярах красовалась, к нашей всеобщей радости, гордая строчка—„Типография Курского Комитета“.

Чтобы сбить с толку полицию и жандармов, мы усиленно распускали слухи, что типография находится в одном из уездных городов, хотя она находилась в Курске на Мирной улице, за два квартала от жандармского управления. Не знаю-верили ли они, или нет, но найти ее не могли.

Она продержалась несколько месяцев, больше полугода, и провалилась по неосторожности самого т. Иванова. В письме к одному своему приятелю Иванов довольно прозрачно описал ту роль, которую он играл в Курске.

Адресат был арестован по какому то делу, Иванов случайно узнал об этом почти тотчас после ареста и немедленно дал знать Комитету о создавшемся положении.

Мы быстро свернули все оборудование и перенесли в другое место. Через несколько дней к Иванову действительно нагрянули жандармы с обыском, но уже ничего не нашли и оста-

лись в дураках. Однако, нам был нанесен непоправимый удар — поставить третью типографию мы уже не смогли.

Чем больше оживлялась и расширялась наша работа, тем напряженнее становилась борьба с другими партиями.

Эсэры в деревне были в общем еще гораздо сильнее нас, хотя и здесь, в некоторых уездах, как, напр., в Суджанском, Путивльском и Рыльском уже, по меньшей мере, мы выравнивались с ними. Зато в городе среди рабочих мы безусловно преобладали.

Профессиональные союзы также были всецело в наших руках.

В жизни курских профсоюзов одно время, хотя и очень непродолжительное, наметился, правда, синдикалистский уклон и стремление оторваться от партии. Этот уклон был нами легко и быстро выправлен, так как не затрагивал массу, а касался лишь профсоюзной верхушки. Но все это течение, направленное к отрыву от партии, исходило не от эсэров или меньшевиков, а от *И. В. Паневина* (Германа), бывш. тогда большевиком, членом Курского Комитета и ответственным организатором профсоюзов.

Герман был членом еще нашей первой группы, образовавшейся в мае 1903 года. Он был тогда рабочим, но происходил из мещанской среды, имел в пригородной слободе небольшой дом с плодовым садиком и пр. Скоро он бросил работу по найму, открыл свою мастерскую и стал работать в качестве самосто-

Петр Семенычев. (См. 13-ю стр.)

его погубил, как революционера. Открыв свою мастерскую, он стал очень хорошо зарабатывать и начал, незаметно для себя, перерождаться. Бытие определило сознание: он превратился понемногу в обыкновенного мещанина-обывателя, ушел от подпольной работы и даже в 1917 году и после остался неподвижным и не принимал никакого участия в общественной жизни. Политически он умер в 1908—9 гг.

Показателем нашего преобладания среди рабочих служили,

ятельного мастера-кустара. Он был одним из самых деятельных членов курской организации, обладал большими организаторскими способностями и выполнял успешно весьма ответственные задания Курского Комитета. Но на беду у него был не только талант организатора, но и талант гравера, который

между прочим, и выборы в Государственную Думу — рабочая курия была нашей. Она состояла из двух губернских выборщиков: одного от Курска и одного от Белгорода. Выборщиками были: во 2-ю думу от Курска В. В. Сериков (большевик) и от Белгорода — Белаповский, в 3-ю Думу — курянин М. С. Богданов (большевик) и белгородец Гетман.

Борьба внутри организации — с меньшевиками, то затихала, то снова разгоралась. В 1905 и 6 гг. меньшевики сидели тихо и почти ничем себя не проявляли. В 1906 году М. И. Богомазов, наиболее авторитетный из них, переехал из Курска в Суджу. Там он пользовался большим влиянием, которое мы урезали при помощи гг. А. П. Афонского и Н. Н. Сидоренко, также переехавших в Суджанский уезд в качестве народных учителей.

В других уездных группах их почти не было, в самом Курске они насчитывались единицами.

Выборы на четвертый съезд в 1906 году прошли безболезненно. Делегатом был выбран я, кандидат большевиков, меньшевики не выставили своего кандидата вовсе.

Совсем другое положение сложилось в 1907 г. при выборах на пятый съезд.

В конце 1906 г. или в начале 1907 г. в Курск приехал меньшевик, адвокат В. В. Павлов (Геннадий). Он и его жена, тоже меньшевичка, скоро стали центром меньшевистской группировки. Но вся эта тучка, сама по себе, была слишком мала, чтобы развиться грозой. Опасность пришла с другой стороны.

Несколько раньше Павлова в Курск приехали два нелегальных. Мы поручили им пропагандистскую работу в кружках и в шутку называли их Кириллом и Мефодием. Т. Мефодий скоро показал себя хорошим, серьезным работником, совершенно иным оказался т. Кирилл. Недисциплинированный, неуравновешенный и истеричный т. Кирилл стал вносить разложение в организацию. Иногда эти качества доводили его до выступлений, которые трудно было назвать иначе, как хулиганскими. Оба они были присланы нам, как большевики и в начале проводили в своей работе большевистскую линию довольно выдержанно.

Мы долго смотрели сквозь пальцы на причуды и истерическое хулиганство т. Кирилла, с одной стороны потому, что считали его больным человеком, с другой стороны, мы ценили работу т. *Мефодия* и не хотели его терять, потеря же была бы неизбежна, если бы мы „дали путевку“ т. Кириллу. Они были личными друзьями и было бы несомненно, что вместе с Кириллом уедет и Мефодий.

К сожалению, наша мягкость была принята за слабость и повела лишь к тому, что Кирилл окончательно соскочил с рельс, причинив своим крушением и нам всем не мало хлопот.

Весною 1907 г., перед пятым съездом, меньшевики зашевелились. Они, очевидно, решили широко использовать предсъездовские собрания для агитации; своим кандидатом на съезд они выставили заядлого крайнего меньшевика адвоката Павлова.

Мы знали об этой мышине возне меньшевиков и с своей стороны спокойно готовились к с'езду. Мы знали, что большевизм пустил настолько глубокие корни в курской организации, что меньшевикам сдолеть его было не под силу и были уверены в том, что снова разобьем их по всей линии.

Чтобы вовлечь в предс'ездовскую дискуссию, которая должна была развернуться на фракционных платформах, всю массу членов организации, было назначено свыше 15 избирательных собраний в четырех районах Курска. Избранные на этих собраниях выборщики, вместе с делегатами от уездных групп, всего в количестве около 30 человек, должны были избрать делегата на с'езд.

Александра Бобовникова.
(См. 13-ю стр.)

И вот, в самый канун

тале, кроме такого. Положение осложнилось еще тем, что первые избирательные собрания были назначены в том районе, где работали как раз Кирилл, Агния и Тарас, и где они пользовались на почве этой работы личным авторитетом.

Несколько дней, оставшихся до дискуссий, перебежчики использовали для энергичной закулисной агитации в своем районе.

В результате всего этого на первых избирательных собраниях меньшевикам удалось собрать большинство глосов и первые пять выборщиков, в том числе Павлов, Кирилл и Агния, прошли по их списку. Они ликовали и усиленно кричали о ликвидации в Курске большевизма.

Но радость их была преждевременна. Мы быстро оправидись, сомкнули расстроенные изменой ряды и на следующих собраниях нанесли меньшевикам решительное поражение. Ямской район с железно-дорожными рабочими остался неприступной большевистской цитаделью, мы удержали за собой также половину второго городского района и военную организацию, прислали

избирательных собраний, Кирилл перешел на сторону меньшевиков и увлек с собою Тараса (В. Бернашевского) и Агнию (А. В. Сидоренко.) Это было для нас совершенно неожиданным ударом ножа в спину. Мы могли ожидать от Кирилла всяких истерических сальтомор-

большевиков и уезды, только из Суджанского один из двух делегатов был меньшевиком (Богомазов).

На избирательном собрании выборщиков поименное голосование дало следующие результаты: за меня, бывшего кандидатом большевиков, было подано 17 голосов, за меньшевика Павлова—9 голосов (в том числе Кирилл, Тарас и Агния), и один воздержался (Герман, прошедший по нашему списку), но затем занявший двуличную позицию. (Открыто голосовать за меньшевика он все же не решился).

На этом собрании имел место характерный эпизод. Когда Кирилл, по обыкновению, стал хулиганствовать, Богомазов взял слово и в очень резкой форме осадил своего нового союзника, призвав его к порядку.

Вообще надо отдать должное Богомазову. Он был нашим непримиримым врагом с первых дней зарождения курской организации, напрягал все усилия, чтобы сделать эту организацию меньшевистской, используя для этого все свои старые связи. Мы все время упорно боролись с ним, наносили ему поражение за поражением и истребляли меньшевистские семена, которые он сеял. Борьба принимала порой очень резкие формы и он имел все основания нас, по меньшей мере, не любить. Но в этой борьбе, несмотря на горечь поражений, он никогда не прибегал к низким приемам, никогда не искажал большевизма шуллерскими приемами агитации, которыми не брезгали и не брезгают многие меньшевики и был чужд авантюризма, которым были отравлены и Кирилл, и Павлов, и другие их единомышленники. От них он выгодно отличался старым революционным закалом и мы всегда считали его врагом принципиальным и честным.

После пятого съезда меньшевики увяли. Мы ликвидировали, в значительной мере, ту путаницу, которую они внесли во время избирательной борьбы в головы части рабочих. Но рана, нанесенная предательством Кирилла, продолжала болеть и гноиться.

Чтобы вылечить организацию, чтобы парализовать внесенные в нее элементы разложения, надо было время и благоприятные объективные условия. Но как раз эти последние становились все хуже и хуже. Надвигалась полоса самой черной реакции.

Курская организация выдержала уже много бурь. Но до 1908 г. ни разу еще не потерпела большого крушения.

Не смотря на мещанский характер города, нам удалось из лучших местных рабочих создать большевистские кадры, воспитать их и закалить.

До 1908 г. не было массовых крупных провалов. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что с самого начала в основу партийной работы была положена строжайшая конспирация, в которой воспитывались все члены организации. С другой стороны—примитивностью агентуры жандармского управления и полиции.

Над нашей курской конспирацией смеялись соседние Комитеты, подсмеивались и в центре. Но именно благодаря ей нам

удалось достичь известных результатов. Мы начали с ничтожными силами, в самых неблагоприятных условиях и долго не имели никакой поддержки из центра. Каждый работник был трудно заменимым и приходилось беречь каждую силу, как зеницу ока. Подготовка новых сил из местных рабочих была медленной и трудной. К тому же организация часто обескровливалась, так сказать, естественным путем. Дело в том, что многие рабочие

курае, после партийной обработки, получив знания и расширив свой кругозор, начинали тяготиться работой в таком небольшом городе, как Курск и их начинало тянуть в крупные промышлен. центры— Питер, Москву, Харьков и др., где можно было шире развернуться и получать от работы больше удовлетворения. Сидеть долго в Курске можно было, конечно, только под давлением сознания важности

Павел Бутов. (См. 19 юст).

для многих это было слишком большим самоотречением и они все же уезжали под разными предлогами—поиска заработка и тому под.

Приходилось, конечно, иногда конспирацией и пренебрегать и идти на большой риск, устраивая, например, собрания по 20-25 человек в моей квартире, если другой, конспиративной, квартиры в это время не имелось, несмотря на то, что и я, и жена были под усиленным надзором полиции. Приходилось часто, особенно в 1904 и 5 г.г., когда наша типография была слаба, а выпуск листовок требовался немедленно, варить гектографы и самим печатать на них или на шапирографах листки опять таки у нас или у других ответственных работников и без того, очень сильно скомпрометтированных. Приходилось привозить иногда целые кор-

закрепления партийного влияния на крестьянство.

Откровенно говоря и мы с женой, и другие активные работники, не раз мечтали о переезде в другой город. Но постоянно откладывали, опасаясь, что с нашим отъездом организация сильно ослабеет. Приходилось удерживать и других, но

зины нелегальной литературы, присылаемой центром, все также к нам и уже из нашей квартиры переносить в конспиративные места хранения.

Все это было, конечно, очень осторожно. Однако все понимали, что такие случаи являются исключениями и что распоясываться в конспирации все же нельзя, так как без нее всю организацию жандармы могли бы выкосить в два счета.

Но даже в указанных случаях все необходимые и возможные предосторожности все же принимались. Большие услуги в этой области оказывала нам наша кухарка Марфа Степановна, которую все старые курские работники, наверно, хорошо помнят. Она была самой обыкновенной мещанкой. Все окружавшие нас обыватели знали ее, как профессиональную прислугу и никому из них не приходило в голову, что она может помогать революционерам. А, между тем, это как раз и было. Она поступила к нам еще в 1903 г., была от природы очень не глупым человеком и, хотя была неграмотная, довольно легко поддавалась нашей революционной обработке. Услуги, которые она оказывала нам в работе, были весьма разнообразны: она варила гектографы, сохраняла их, охраняла собрания, патрулируя у ворот, прятала нелегальную литературу, находя для этого хорошие места в самых захолустных мещанских углах, у своих родственников и знакомых, разносила литературу, переносила бумагу для типографии и т. п. и, когда она выходила из дому, покрытая большим платком, с базарной корзиной в руках, ни одному шпику не приходило в голову, что это идет революционерка и что в корзине у нее — комитетские листки или типографская бумага. Она прожила у нас больше шести лет. К сожалению, когда в 1909 г. работа стала падать, ее мещанская природа стала брать верх над революционным настроением и мы вынуждены были с нею расстаться.

Другой причиной, позволявшей и нам держаться так долго, была примитивность местных шпиков. Сыск был поставлен так неуклюже, что парировать его было вполне возможно и даже неособенно трудно. Мы знали почти всех шпииков в лицо и, когда они начинали проявлять усиленную энергию, мы легко это замечали и могли заранее определить, что предполагаются обыски и где именно. В этих местах, конечно, производилась тщательная чистка и обыски не давали никаких результатов. Если бы в Курске была питерская или московская охранка, мы не продержались бы, понимаете я, и одного года, не смотря на всю нашу конспирацию.

Частичные провалы все же были. Кроме упомянутых выше провалов типографии и солдатской конференции, были выданы одним железнодорожником т. т. Рогов, Сериков и др. По этому делу Рогов был выслан в Тотьму, а Сериков в Нелинск.

Из провокаторов были вполне установлены: ученик землемерного училища Воронин и слесарь Прокофий Куприянский. Были, несомненно, и другие, но они остались пока недоказанными.

Сильно скомпрометтированной была акушерка Шур, большая приятельница Воронина. О некоторых ходили весьма дурные слухи и были косвенные улики, но недостаточные, чтобы ставить о них вопрос ребром.

4. Реакция.

Но все враги наши, с которыми мы более или менее успешно боролись, были ничтожными по сравнению с тем страшным врагом, который стал надвигаться на нас с конца 1907 года. Этим врагом было упадочное настроение масс

Как ядовитый газ, ползла политическая апатия, захватывая и отравляя все новые и новые слои. Первыми ушли с революционного фронта интеллигенты и крестьяне, вслед за ними дрогнули и рабо-

чие. Непри-
вычные к
длительному
напряжению
нервы не мо-
гли уже вы-
держать
дальнейшего
подъема.
Усталость,
упадок веры
и возмож-
ность побе-
ды над ко-
лоссом само-
державия
стали общим
явлением.
Курск не был
исключени-
ем в этом.
Наша орга-
низация ста-
ла развали-
ваться. Про-
цесс начался
с периферии.

Пелагея и Петр Лотаревы.

(См. 13-ю стр)

Сперва мед-
ленно, затем
все быстрее
и быстрее
организация
стала таять
с краев и ро-
ковая грани-
ца все бли-
же подходи-
ла к самой
сердцевине.

Все усилия
активных
работников
остановить
разложение
оставались
тщетными.
Перестали
посещаться
массовки, за
ними стали
рассыпаться
кружки.

Массовая ра-
бота стала не
возможной.

Пришлось изменить характер работы.

Чтобы использовать политическое затишье для будущего, я организовал зимою 1907|8 года подпольную школу рабочих пропагандистов. В первую группу вошли: Ф. И. Рошов (Аркадий), П. Н. Моржавин (Гед) П. Е. Лотарев (Аскольд), А. В. Руцкой

(Чернец), сестры *А. Г.* и *П. Г. Бобовниковы* (Перовская и Лигия). Вторую группу составили: *М. Т. Бутэв*, *И. И. Чернышов*, *Арсений*, *П. С. Козликов* и др.

Эти две группы тщательно проштудировали „Курс экономической науки“ Богданова, прошли вкратце историю Германии, Англии и Франции и приступили к истории России.

Занятия были поставлены так: я читал лекцию, придерживаясь книги, принятой как руководство, напр., курса Богданова. Затем все прочитывали эти главы дома по книге и составляли конспекты, после чего собирались вновь и по очереди рассказы-

вали изученное. Каждый рассказчик становился при этом не в положение ученика, отвечающего урок мне, учителю, а в положение лектора перед всей маленькой аудиторией. После изложения начиналась критика. Слушатели указывали на пробелы и недостатки в изложении и я вмешивался лишь в том случае, если их ука-

Федор Рогов. (См. 19 ю стр.)

ту. Прошедший такую школу приобретал не только знания, но и ценные навыки в самостоятельной работе.

В 1910 г. составила третья группа из *М. Г. Каширцева*, *С. С. Акинина*, *А. Ф. Бутова* и др., но она вскоре распалась, так как члены ее перестали собираться по разным причинам. Четвертую группу мне, несмотря на все усилия, составить уже не удалось, так как не находилось желающих учиться.

Это был самый „глухой“ период.

Некоторые активные курские работники были в ссылке

зания были не полными или не правильными. Затем я читал следующую лекцию и т. д. Такая система занятий давала очень хорошие результаты. Она приучила к чтению, письменному изложению и устной передаче усвоенного, к критическому отношению слушателей к лектору и вносила большое оживление в общую работу.

(Рогов и Сериков, выданные одним железнодорожником, Василий Седых, Павлуновский), другие раз'ехались по разным городам.

Оставшиеся лишь вели индивидуальную агитацию, учились и поддерживали связь между собою, ожидая, когда жизнь выведет массы из состояния мертвенного покоя и снова станет возможной массовая работа.

Могло показаться, что все сделанное нами погибло без следа, что от упорной, долгой, кропотливой работы не осталось положительных результатов. Но следующие годы показали, что это было не так.

Партийная крепость, которую мы строили в Курске, не была еще закончена, когда враг открыл ураганный огонь. Недостроенные стены не выдержали и рухнули. Но фундамент, заложенный нами, не поддавался и, когда настало время, на этом крепком фундаменте был быстро возведен новый форт, который, наряду с другими, помог партии отстоять занятые ею позиции.

А. Аристархов.

